

27 сентября 2014 года. В родовой усадьбе Ивана Ивановича Лажечникова — празднование дня рождения писателя. Важное событие, которое проводится ежегодно с тех пор, как здесь был открыт музей. Но на этот раз оно особенное, потому что среди гостей — потомки семьи Лажечниковых: Марина Васильевна и Ирина Васильевна Агаповы (по линии дочери писателя Зинаиды Ивановны Лажечниковой), Галина Михайловна Лажечникова и Елена Николаевна Сотникова (по линии младшего брата писателя Николая Ивановича Лажечникова). Они приехали из Москвы в усадьбу, где протекала жизнь их предков более двухсот лет назад... Эта долгожданная встреча стала знаковой в культурной жизни Коломны.

«В нашей семье на протяжении многих лет, точнее столетий, хранятся семейные ценности, которые передаются из поколения в поколение,— сказала Елена Николаевна.— Мы решили передать эти вещи в усадьбу, чтобы все люди смогли их увидеть. Мы дарим в день рождения Ивана Ивановича Лажечникова эти сокровища от чистого сердца». В присутствии собравшихся Елена Николаевна и Галина Михайловна преподнесли в дар музею сохранившиеся документы, письма, фотографии, прижизненное издание одного из сочинений Лажечникова, «Дочь еврея», Казанскую икону Божией Матери и старинную Библию, которая принадлежала самому писателю.

«Библия, сиречь книги Священного писания Ветхого и Нового Завета»

Открыв громадный том в потёртом, местами порванном кожаном переплётѣ, можно было увидеть титульный лист, украшенный изображениями на библейские сюжеты, с заглавием: «БИБЛИА СИРЕЧЬ КНИГИ СВЯЩЕННАГО ПИСАНИЯ ВЕТХАГО И НОВАГО ЗАВЕТА».

Книга 1762 года — четвёртое издание Елизаветинской Библии — так называли её перевод на церковнославянский язык. Первое вышло в 1751 году, в правление Елизаветы Петровны (от её имени перевод и получил своё название). Из-за

небольших тиражей такие книги представляли большую ценность — издания ограничивались несколькими сотнями экземпляров. Текст печатали в два столбца, каждую главу украшали гравюрой, страницы обрамляли узорными рамками. Интересной особенностью библии, сохранившейся у Лажечниковых, была вставленная цветная карта Святой Земли с именами двенадцати колен Израилевых: «Географическое описание на Библию Священного писания, Палестины или Иудеи или обетованной и Святой Земли...».

Иван Николаевич Лажечников

Как и когда писатель оказался владельцем библии? Купил или ему её подарили? Кто владел ею до Ивана Ивановича Лажечникова? Эти вопросы ещё ждут своих исследований и ответов.

Самые ранние воспоминания о библии у Елены Николаевны и Галины Михайловны оказались связаны с Евдокией Ивановной Лажечниковой, дочерью писателя, и семьёй Ивана Николаевича Лажечникова, племянника писателя. Иван Николаевич (1846–1920), закончив учёбу в Николаевском инженерном училище в Петербурге, служил кондуктором (*Кондуктор в России в XIX веке — воинское звание, присваивавшееся чертёжникам и художникам в инженерных учреждениях, в военных, морских и некоторых других ведомствах.* — Прим. автора) в роте Николаевского инженерного училища, работал инженером-строителем. В 1871 году, после нескольких лет военной службы, вышел в отставку в чине поручика. В конце 1860-х годов Иван Николаевич женился, и от первого брака в 1870 году у него родился сын Александр, который впоследствии стал художником.

С 1880-х годов Иван Николаевич жил в Москве. Здесь женился во второй раз. Супруга Елизавета Ивановна Лажечникова (урождённая Батурская, 1873–1967) происходила из знатной и богатой семьи. В поздравительных открытках встречается обращение к ней «Ея Высокородию Елизавете Ивановне Лажечниковой» («*Ваше высокородие*» — в соответствии с «*Табелью о рангах*», титулование при обращении к лицам в чинах 5 класса. — Прим. автора). У Елизаветы Ивановны и Ивана Николаевича родилось пятеро детей: Анна, Александр, Николай, Софья, Варвара. По воспоминаниям потомков, семья была очень дружной, гостеприимной и хлебосольной.

В 1903 году Иван Николаевич купил квартиру в доходном доме купца Крашенинникова, на улице Селезнёвской (д. 13, кв. 2), и переехал туда со своей семьёй. Просторная квартира занимала пять комнат и располагалась на первом этаже.

Известно, что Иван Николаевич с любовью относился к памяти о своих предках. Даже на конверте с документами отца он написал: «Документы моего дорогого отца, участника войны 1812, 1813 и 1814 годов» (ККМ, КП ОФ. 3620). К дяде — известному писателю — у Ивана Николаевича было особое отношение. В его домашней библиотеке всегда занимали почётное место «Последний Новик», «Ледяной дом», «Басурман».

Несомненно, Иван Николаевич помнил из детства и личное общение с Иваном Ивановичем, хотел записать наиболее важные моменты, связанные с его жизнью, чтобы они не ускользнули из памяти и истории. Подтверждение этому — текст, записанный им от руки с оригинала: обращение Александра II к Ивану Ивановичу Лажечникову в связи с пятидесятилетием литературной деятельности, тот самый текст, где император говорил: «"Последний Новик", "Ледяной дом" и "Басурман" вместе с романами покойного Загоскина были в первые годы молодости любимым моим чтением и возбудили во мне ощущения, о которых я с удовольствием вспоминаю» (21 ККМ. КП ОФ. 3621).

Дети в семье Ивана Николаевича, по словам Галины Михайловны, воспитывались с чувством гордости за то, что их фамилия — Лажечниковы. Эта фамильная гордость передавалась из поколения в поколение, и позже некоторые из потомков оставляли себе фамилию Лажечниковых, хотя по отцу или по мужу она могла бы измениться.

В 1920–1930-х годах вместе с Иваном Николаевичем, его женой Елизаветой Ивановной и детьми жила дочь писателя, Евдокия Ивановна Лажечникова (1862–1932).

Вся жизнь Евдокии Ивановны прошла в Москве. Она окончила Московское училище ордена Святой Екатерины. Евдокия Ивановна не выходила замуж, и у неё не было детей. Вела она очень скромную жизнь, которую могла себе позволить, получая небольшую пенсию от Императорской Академии Наук как дочь известного писателя. Дополнительного дохода — пособия или заработка — у неё, скорее всего, не было, так как пенсии назначались лицам, «достигшим преклонных лет или впадшим в болезненное состояние, и притом не получающим пенсии из казны или каких-либо других источников».

Постоянная Комиссия, назначавшая пенсию, была образована во исполнение Высочайшего указа Николая II от 1895 года, которым повелевалось отпускать ежегодно из государственного казначейства по 50 000 рублей для оказания необходимой помощи нуждающимся учёным, литераторам и публицистам. Выдача пособий была возложена на Академию наук «как первенствующее учёное сословие в империи». Право на помощь имели лица, посвятившие себя исключительно занятиям на поприщах науки, словесности и современной печати. Также помощь

Постоянная Комиссия, назначавшая пенсию, была образована во исполнение Высочайшего указа Николая II от 1895 года, которым повелевалось отпускать ежегодно из государственного казначейства по 50 000 рублей для оказания необходимой помощи нуждающимся учёным, литераторам и публицистам. Выдача пособий была возложена на Академию наук «как первенствующее учёное сословие в империи». Право на помощь имели лица, посвятившие себя исключительно занятиям на поприщах науки, словесности и современной печати. Также помощь

назначалась оставшимся по смерти их вдовам, сиротам, родителям, родственникам и воспитанникам.

В семье Ивана Николаевича сохранился документ — прошение, датированное мартом 1917 года, в Академию наук, в Комиссию для пособия нуждающимся учёным, литераторам и публицистам: «После смерти отца моего литератора Ивана Ивановича Лажечникова я получала вместе с сестрой моей Зинаидой Ивановной Лажечниковой 125 рублей в месяц пенсии. Семь лет как умерла сестра, и я получаю половину. Мне 56 лет, я очень болезненна и при настоящей дороговизне очень нуждаюсь, а потому осмеливаюсь беспокоить просьбою Комиссию... — не найдёт ли она возможным выдать мне пособие» (22 ККМ. КП ОФ. 3617). Интересно, что с просьбою о денежной помощи в Комиссию тогда обращались очень многие известные поэты и писатели, в том числе Максим Горький и Сергей Есенин.

Свой адрес в 1917 году Евдокия Ивановна указала как Серебренническая набережная, дом № 4. Спустя некоторое время её адрес изменился — в 1920-х годах она жила на Зубовском бульваре. Сохранились воспоминания правнучки писателя, Нины Николаевны Лажечниковой, пересказанные её дочерью, Мариной Васильевной Агаповой: «Мама вспоминала, как она ходила (когда была очень маленькой девочкой, с отцом) на Зубовский бульвар (посетить Евдокию Ивановну): там были деревянные дома и деревянные ворота с кольцом — отец маму поднимал, и она стучала в это кольцо... Ещё родители рассказывали, как Евдокия приходила к ним в гости и слушала граммофон».

Это свидетельствует о том, что после смерти сестры в 1910 году Евдокия поддерживала отношения с семьёй племянника — Николая Николаевича Лажечникова (1879–1939), который тоже жил в Москве. У Николая Николаевича, единственного внука писателя, было двое детей — Нина и Олег, но только старшая, Нина, родившаяся в 1925 году, застала Евдокию Ивановну и запомнила общение с ней.

Насколько известно, Евдокия Ивановна была последней из Лажечниковых, кто поддерживал отношения с потомками и по линии писателя, Ивана Ивановича, и его брата, Николая Ивановича. В XX веке пути этих двух сохранившихся ветвей рода разошлись и встретились только спустя более чем полвека на памятной встрече 1977 года в Коломне.

Анна Ивановна Татьяна,
1913 г.

С 1900-х годов Евдокия Ивановна часто гостила на улице Селезнёвской в семье двоюродного брата, помогая в воспитании его пятерых детей. Чувство привязанности было взаимным — поэтому у Ивана Николаевича она чувствовала себя как дома и в последние годы постоянно жила в его квартире. Может, тесная связь с семьёй Ивана Николаевича объяснялась ещё и тем, что его мать, Елизавета Александровна, являлась крёстной матерью обеих дочерей писателя, и Иван Николаевич чувствовал свою обязанность позаботиться о Евдокии.

Согласно воспоминаниям Лажечниковых, Евдокия Ивановна отличалась добротой и очень любила своих многочисленных племянников и внучатых племянников. В семье её ласково называли «бабой Дуней». Подтверждение сохранилось в почтовых открытках начала XX века. Например, в начале 1910-х годов Елизавета Ивановна Лажечникова написала своему сыну Александру из Эссентуков: «Шуре Лажечникову. Спасибо, милый Шурка, за открытку. У тебя есть вкус, и угодил. Не шали. Поцелуй Соню и Варю, Евдокию Ивановну. Любящая мама». Это прямое упоминание о том, что Евдокия Ивановна гостила у двоюродного брата: если Елизавета Ивановна просит сына поцеловать своих сестёр и Евдокию Ивановну — то очевидно, что все они находятся вместе, рядом, и что «баба Дуня» — любимый и уважаемый член семьи.

Евдокия Ивановна была очень верующим, набожным человеком и постоянно ходила молиться в Пименовскую церковь, которая располагалась в Воротниковском переулке, недалеко от дома на улице Селезнёвской. В её комнате всегда лежала библия, которую, по семейным воспоминаниям, она получила от отца, Ивана Ивановича Лажечникова.

После смерти Евдокии Ивановны в 1932 году библия бережно сохранялась. Как рассказывали Елена Николаевна и Галина Михайловна, в их семье думали, что их ветвь — единственно сохранившаяся, и поэтому особенно бережно относились к семейным реликвиям.

Из пятерых детей Ивана Николаевича (от второго брака) старшей — и самой любимой дочерью — была Анна. Впоследствии именно она стала «главой семьи» и хранителем памяти о старших поколениях.

Анна Ивановна Лажечникова (в замужестве — Татьяна, 1896–1985) прожила долгую жизнь, которая вместила все главные события XX века: Первую мировую войну, Революции 1905 и 1917 годов, годы пятилеток, восстановления народного хозяйства, Великую Отечественную войну...

*Александр Иванович Лажечников,
1910-е гг.*

«И всегда Анна Ивановна была не свидетелем, нет! — активным участником событий». Так писала московская газета «За высокое качество» в октябре 1978 года. «Свою первую награду — медаль «За усердие» — она получила в военно-санитарном поезде за спасение русских воинов. Ей было тогда 18 лет. Шла Первая мировая война. Вместе с подружками-санитарками Аня выносила из-под огня раненых, облегчала их страдания, выживала.

...Бережно перелистываем старый альбом с пожелтевшими фотографиями. Но фоне вагона с красным крестом — молоденькая сестра милосердия в белой наколке, Аня. Рядом — подружки, санитары, врачи-хирурги. Снимок сделан под Брестом, где шли жестокие бои. Поезд курсировал между фронтом и тылом, отправляя покалеченных, отравленных газами солдат в госпитали»¹.

После революции 1917 года Анна Ивановна поступила на швейную фабрику «Красная оборона» (позднее название — «Салют»), где много лет проработала медсестрой на медпункте. И вот — новое испытание, Вторая мировая война: «Великая Отечественная война. Грозная осень 1941 года. Фабрика наращивает выпуск обмундирования, люди сутками не выходят из цехов, снабжая фронт всем необходимым. По ночам дежурят на крышах, тушат немецкие зажигалки. Многие швеи пошли на строительство оборонной полосы Подмоскovie, на лесозаготовки, работали в госпиталях. И среди них — Анна Ивановна с медицинской сумкой через плечо, с ласковым ободряющим словом на устах. Недаром ей вручена награда — медаль «За оборону Москвы»².

В 82 года она всё ещё находилась в трудовом строю и на своей работе являлась примером для всех остальных сотрудников. При этом Анна Ивановна очень любила театр, хорошо знала русскую и зарубежную классическую литературу. Бережно хранила в личной библиотеке наследство, доставшееся ей от дедушки, Николая Ивановича: фотографии, письма, прижизненное собрание сочинений Ивана Ивановича Лажечникова. И старинную Библию.

¹ *Фомин В.* Всегда в нашем стою // За высокое качество. 16 октября 1978 года. № 41 (2 278). С. 2.

² *Там же*

*Ольга Михайловна Лажечникова,
1910-е гг.*

В доме на Селезнёвке книга пережила самые сложные времена войн, атеизма и гонений на церковь и как главная духовная ценность бережно передавалась из поколения в поколение.

На улице Селезнёвской жил и брат Анны Ивановны, Александр Иванович Лажечников (1898–1942), дедушка Галины Михайловны Лажечниковой и Елены Николаевны Сотниковой.

Александр Иванович родился в 1898 году, окончил гимназию и учился в Кадетском корпусе, чтобы начать, как когда-то его дед и отец, военную карьеру.

Когда произошла октябрьская революция 1917 года, он вступил в ряды Красной Армии и прослужил там красным командиром до 1922 года. Александр Иванович женился на Ольге Михайловне Москалёвой, происходившей из богатой дворянской семьи (она приходилась двоюродной сестрой Анне Павловне Москалёвой, матери Святослава Рихтера). Ольга Михайловна окончила институт благородных девиц и была очень образованной, знала в совершенстве несколько языков, великолепно играла на фортепьяно.

Ещё, по воспоминаниям внуков, «она была необыкновенно трудолюбивой и терпеливой женщиной, очень эмансипированной: сразу приняла революцию, ходила в красной косынке и кожаной куртке, работала машинисткой на заводе». У Ольги Михайловны и Александра Ивановича Лажечниковых родилось четверо детей: Мария, Владимир, Елизавета, Михаил.

После военной службы Александр Иванович жил в Москве, выполнял художественные, оформительские работы на Казанской железной дороге. С детства он любил рисовать, и так как после революции не смог дальше продолжить военную карьеру, то его способности к рисованию помогли в дальнейшем содержать семью. Жизнь его была очень скромная. Большая родовая квартира на улице Селезнёвской постепенно превратилась в коммунальную: одну семью подселили, сама семья Лажечниковых разрасталась, образовывались новые семьи, которые переезжали на новые квартиры. Однако связь между родственниками не прерывалась. Лажечниковы были очень дружны, общительны и любили собираться, вместе отмечать праздники. Взрослые беседовали, а дети обычно разыгрывали шарады, исполняли на пианино любимые музыкальные композиции.

В семье об Александре Ивановиче сохранилась память как о человеке строгом, но справедливом. К сожалению, жизнь его закончилась трагически: по доносу, по обвинению в шпионаже, он был арестован в 1942 году и умер

в тюрьме. Тело семье не выдали. До сих пор на Миусском кладбище, на том месте, где покоятся многие Лажечниковы, на надгробии можно прочесть надпись: «Лажечников А. И. 1898–1942», но самой его могилы там нет.

Шли годы. Поколение правнуков Ивана Николаевича, родившееся в 1940–1960-х годах, стало постепенно разъезжаться в другие части Москвы, одна из ветвей семьи, по линии Марии Александровны Лажечниковой, переехала в Новосибирск. «Но несмотря на то, что дети уже не жили в доме, они часто туда возвращались, чтобы навестить бабу Лизу,— вспо-

минала Галина Михайловна Лажечникова.— Это был дом, наполненный историей. Это была огромная квартира. С ней связаны мои самые лучшие воспоминания детства. ... Лажечниковы собирались вместе, у нас царила атмосфера семейного единства — и мы росли в этой атмосфере, ощущение истории было заложено с рождения. У нас были свои традиции: мы любили застолья, встречи, танцы, шили к праздникам карнавальные костюмы, вместе готовили блюда, лепили пельмени, «травили» анекдоты, вспоминали случаи из жизни. Родители всегда любили рассказывать с юмором, шутками...

Я всегда ощущала себя, как будто из XIX века: в доме хранились иконы, стояли старые шкафы, наполненные книгами. ... Мы часто вместе с отцом читали — не для получения энциклопедических знаний с датами, больше для общения. Иногда мы с ним принимались смотреть Библию, оставшуюся как память об Евдокии Ивановне. Я помню, мы сидим, рядом с нами бабушка. Разворачиваем карту, листаем страницы, водим пальцем, рассматриваем старинные буквы, похожие на вязь, касаемся тиснёной кожи переплёта... Особенно занимала карта — её любили разглядывать. Казалось, она содержит в себе тайну, секрет, который мы можем разгадать. Поэтому Библия всегда была очень дорога всем представителям нашей семьи — как материальная память о том времени, о прошлом. Мы всегда испытывали чувство гордости за то, что у нас есть такая вещь и что она связана с нашей фамилией. Позже книга хранилась у Елизаветы Александровны Лажечниковой, у Михаила Александровича Лажечникова. Можно даже сказать, что она являлась предметом споров, каждый хотел обладать ею. Но по прошествии многих лет, в начале 2010 годов, состоялось наше знакомство с музеем, открывшимся в усадьбе Лажечникова. Узнав о той громадной работе, которую сделали сотрудники по сохранению памяти о писателе, мы, потомки, приняли решение передать Библию в дар городу. Мы подумали, что если любой человек, который пришёл

узнать о писателе, сможет увидеть эту книгу, это будет великолепной иллюстрацией того, что память сохраняется и живёт. И что если не будет утеряна Библия и её история, это будет важно для нового поколения. Ведь в чём мы воспитаны, тем мы и живём. Что нам рассказали, то мы и помним. Поэтому для нас это ценно». Так в 2014 году Библия была подарена музею.

Более 110 лет жили Лажечниковы на улице Селезнёвской. После того, как последние жившие там представители семьи в 2015 году продали квартиру, старинную мебель, приобретённую ещё Иваном Николаевичем в конце XIX века, привезли в усадьбу Лажечникова. Решение Лажечниковых о том, что семейные ценности должны стать общественным достоянием, имело огромное значение: тысячи посетителей усадьбы получили возможность побывать на мемориальной выставке, открытой в 2015 году, и увидеть дары потомков. Там же, на выставке, и сейчас представлена Библия семьи Лажечниковых. Сегодня двери музея открыты для всех желающих. Усадьба Лажечниковых приглашает и вас, уважаемые читатели, посетить музей и прикоснуться к наследию великого русского романиста.